

КНИГИ - МОИ ДРУЗЬЯ

СКАЗКИ ЛИСЫ ПАТРИКЕЕВНЫ

#эксмогешисво

СКАЗКИ ЛИСЫ ПАТРИКЕЕВНЫ

Иллюстрации Юлии Устиновой

#эксмогетство

Москва
2018

ДЕВОЧКА СНЕГУРУШКА

Жил да был старик со старухой, была у них внучка Снегурушка. Собрались её подружки в лес по ягоды и пришли её с собой звать. Старики отпустили Снегурушку, только строго-настрого наказали ей: от подружек не отставать. Ходят девушки по лесу, ягоды собирают; деревцо за деревцо, кустик за кустик, — и отстала Снегурушка от подруг. Те аукали её, аукали — не могли дозваться; а как стало вовсе смеркаться, потемнело в лесу, они испугались и ушли домой. Видит Снегурушка, что она одна в лесу осталась, влезла со страха на дерево и давай горько плакать да приговаривать:

— Ау, ау, Снегурушка!.. Ау, ау, голубушка!.. У дедушки, у бабушки была внучка Снегурушка; её подружки в лес заманили, заманивши, покинули!

Идёт мимо Медведь и спрашивает:

— О чём ты, девушка, плачешь?

— Как мне, батюшка Медведюшка, не плакать? Одна я у дедушки, у бабушки внучка Снегурушка; меня подружки в лес заманили, заманивши, покинули.

— Сойди, я тебя домой снесу.

— Нет, я тебя боюсь: ты меня съешь.

Постоял-постоял Медведь и ушёл от неё. А она опять стала плакать:

— Ау, ау, Снегурушка!.. Ау, ау, голубушка!.. У дедушки, у бабушки была внучка Снегурушка; её подружки в лес заманили, заманивши, покинули!

Шёл мимо Волк, услышал, что Снегурушка плачет.

— О чём ты, девушка, плачешь? — спрашивает.

Узнал про её горе и говорит:

— Сойди, я тебя домой снесу.

— Нет, я тебя боюсь: ты меня съешь.

Волк постоял-постоял и ушёл от неё. А она ещё громче стала плакать да приговаривать:

— Ау, ау, Снегурушка!.. Ау, ау, голубушка!.. У дедушки, у бабушки была внучка Снегурушка; её подружки в лес заманили, заманивши, покинули!

Идёт мимо Лиса, услышала, как Снегурушка плачет, и спрашивает её, да ласково так:

— О чём ты, девушка, плачешь?

Узнала про её горе и говорит:

— Сойди, я тебя домой снесу.

Снегурушка не побоялась Лисички, сошла на землю и села Лисе на спину.

Прибежала Лиса со Снегурушкой к старикам на деревню и стучит хвостом в ворота: «Тук-тук!»

— Кто там? — спрашивают старики.

— Я, Лисичка. Принесла вам внучку Снегурушку.

Обрадовались старики внучке, а Лису уж не знают где и посадить, чем угостить:

— Ах ты, дорогая наша голубушка!

Принесли молока, яиц, творогу, стали Лису потчевать. Лиса от такого угощенья отрекается, а просит в награду курочку. Завязали старики Лисе в мешок белую курочку и с честью Лису до лесу проводили.

Лиса и Журавль

Стала как-то Лиса думать да гадать, как бы на чей-нибудь счёт поживиться. Надумалась и пришла к Журавлю.

— Здравствуй, Журочка! Справлялась я по толстым книгам и разыскала, что ты доводишься мне троюродным братом: надо, значит, нам друг друга знать и почитать. Приходи же, братец, ко мне на новоселье: уж как я тебя угощу!

Пошёл Журавль на званный пир: тят-ляп, тят-ляп! А Лиса наварила манной каши и размазала по тарелке. Подала и потчует:

— Покушай, куманёк дорогой! Покушай, братец родимый. Сама стряпала.

Журавль хлоп-хлоп носом, стучал, стучал — ничего не попадает.

А Лиса в это время лижет себе да лижет кашу; так всю сама и съела.

Кашу съела и говорит Журавлю:

— Не обессудь, куманёк дорогой! Не обессудь, братец родимый! Больше потчевать нечем по бедности. У тебя хоромы просторные — всё болото, — достатки большие. Уж как я к тебе гостить приду — ты меня не обидишь.

— Спасибо, кума, на угощение, — говорит Журавль, — приходи и ты ко мне в гости, попотчую.

На другой день приходит Лиса к Журавлю, а Журавль приготовил окрошку, наложил

в два кувшина с узкими горлышками, — один гостю, другой себе, — и говорит:

— Кушай, кумушка!

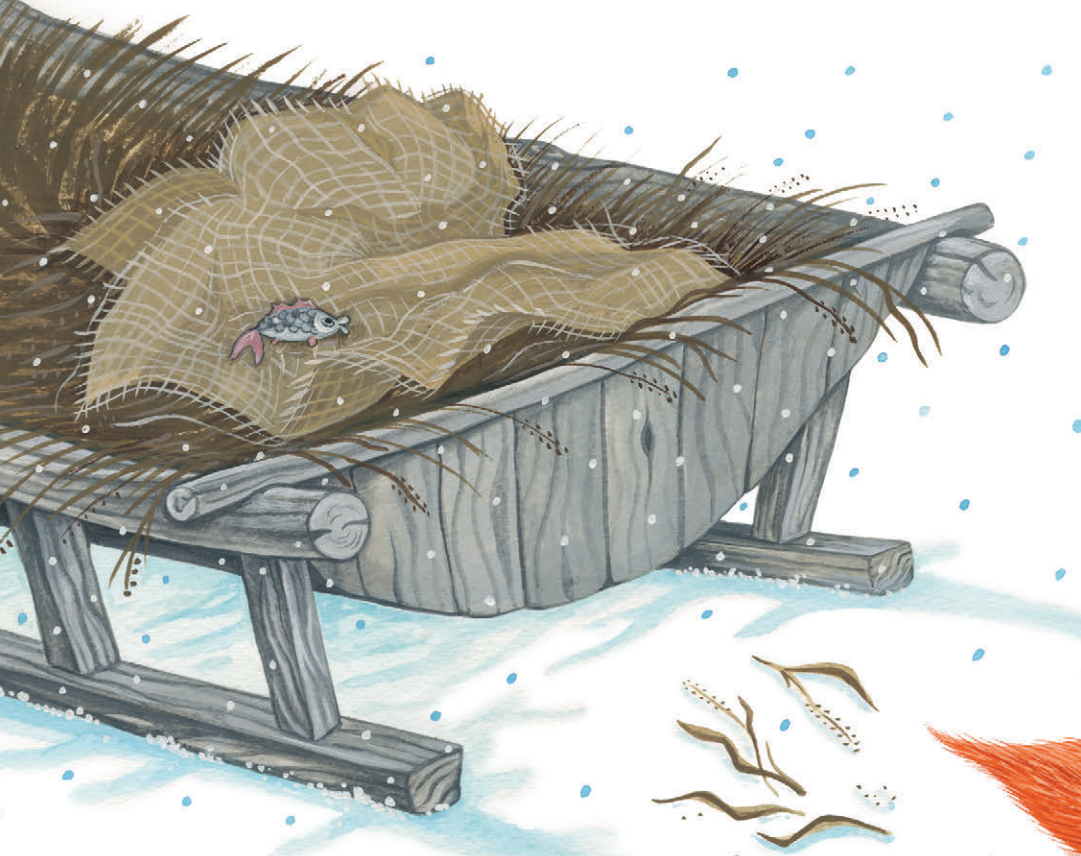
Вертится Лиса вокруг своего кувшина, и так зайдёт, и этак, и полижет-то его, и понюхает — всё ничего не достанет; не лезет голова в кувшин, да и только. А Журавль между тем клюёт себе из своего да клюёт, пока всю крошку не съел. Поел и говорит:

— Не обессудь, кума, больше потчевать нечем.

Взяла Лису досада: думала, что наестся на целую неделю, а домой пошла несолоно хлебавши. Как аукнулось, так и откликнулось.

С тех пор и дружба у Лисы с Журавлём врозь.

Хитрая Лиса

— **А** не поехать ли мне, жена, на озеро рыбки половить? — говорит раз старик старухе. Наловил рыбки довольно и едет назад. Лиса всё это пронюхала, забежала вперёд его и развалилась на дороге, лапы вытянула, хвост откинула, зубы оскалила, глаза зажмурила — мёртвая, да и только. Подъехал старик, слез с саней и подошёл к Лисичке: та не ворохнётся.

— Вот так находка! — говорит старик. — Жене на воротник и себе на шапку.

Взял он Лису, положил в сани, сверху рогожей прикрыл и пошёл впереди лошади. А Лисичка улучила время и давай выбрасывать полегоньку из саней: всё по рыбке да по рыбке, всё по рыбке да по рыбке. Повыбросила всю рыбу, прыг с саней — и была такова.

Приехал мужик домой.

— Ну, жена, какой я воротник привёз тебе на шубу!

— Где?

— Там, в санях с рыбой лежит.

Побежала баба к саням — а там ни рыбы, ни воротника. Принялась она мужа бранить:

— Ах ты такой-сякой! Ещё вздумал шутки надо мной шутить!

Подошёл и мужик, обшарил сани — тоже ничего не нашёл. Тут и смекнул он, что Лисичка-то не мёртвая была.

Лиса и Рак

Бежит раз Лиса около речки, весёлая, песенку напевает, глядь — на бережку Рак сидит: глазищи вытаращил, усищи распустил, и говорит Лисе:

— Куда, кума, торопишься?

— Так, без дела лытаю.

— Шибко ты, кума, бегаешь, только за мною тебе не угнаться.

Раку-то надо бы в гости к свояку в соседний пруд сходить, да идти лень, — вот он и пошёл на хитрости.

— Ну, куда тебе, усатому, пучеглазому!

— А давай перегоняться: кто первый вон до того пруда добежит — того и верх.

— Давай.

Выбрали место поровнее, встали. Лиса побежала, а Рак уцепился клешнёй ей за хвост. Бежит Лисица, торопится, а Рак — ни гугу: висит себе на хвосте, покачивается. Добежала Лиса до пруда, обернулась посмотреть, где-то ещё Рак, а он уж сзади отзывается:

— Долго же ты бежала, кумушка; я уж давно тебя здесь жду.

Лиса и Петух

Тёмной ночью забралась Лиса к мужику во двор и только было просунула нос в курятник — а Петух проснулся да как закричит во всю глотку, ногами затопал, крыльями захлопал. С того крика петушиного куры закудахтали, утки закричали, гуси загоготали, собаки залаяли, лошади заржали, коровы замычали. Выбежал мужик из избы с палкой, только Лисы уж и след простыл.

— Ладно, — говорит себе Лиса, — и это я тебе, Петя, припомню; за всё разом отплачу.

Прошло довольно времени. Вышел раз Петух в лес погулять, взлетел на дерево, сидит да по сторонам посматривает. Вдруг — шашь

Лиса из-за кустика, села под деревом и говорит:

— Спаси тебя Бог, Петя!

— Чего надо, куроцапка?

— Ох, родимый, уж не та я стала, что прежде. Старость пришла, Петя, грехи надо замаливать. Я теперь, Петя, по миру странствую, по святым местам. Что греха-то в мире! Вот, хоть про вас, петухов, как не сказать: грешники вы окаянные! По сколько жён держите: у кого десять, у кого двадцать, а третьему и того мало. И из-за жён, как сойдётесь, смертным боем между собою дерётесь. А ты, Петя, ещё и на высоту залез, гордостью своею возвышаешься. Слезь, родимый, покайся во грехах: я с тебя их все сниму и на смех тебя не подыму. Ведь я откуда шла, не пила, не ела, сколько нужды претерпела, всё тебя, чадо, исповедать хотела, душу твою соблюсти и от адского пламени тебя спасти! Сойди же, чадо милое, на землю пониже, — будешь к покаянию ближе, прощён, разрешён и до вечной радости допущен!

Познал Петух свои тяжкие грехи, умилился, прослезился и стал спускаться: с ветки на ветку, с прутка на пруток, с сучка на сучок, с пенька на пенёк — и попал Лисе в лапы. Взмолился Петух:

— Не ешь меня, Лиса, честная вдова, ласковые твои слова, сахарные уста! Как ты меня спасёшь, коли тело моё пожрёшь? А вот был я вчера у самого царя в палатах, — хвалили меня все наперебой: и собой-то я молодец видный, и голос-то хорош. Зовут в придворные певчие. Вот бы тебе через меня, Лисанька, к царскому двору попасть в птичники: курам-уткам счёта нет. Ешь — сыта, не хочу, — да облизывайся.

Потекли у Лисы с тех петушиных слов слюнки, распустила она лапы — а Петух порх на дубок и кричит:

— Здравствуй, придворная птичница! Много ли кур скушала? Спасибо, что меня, разинув рот, слушала!

И пошла Лиса от Петуха прочь несолоно хлебавши.

«Сколько, — думает, — на свете лет ни живала, а такого срама отродясь не видала. И вправду, где это бывают петухи в придворных певчих, а лисы в птичниках?»

БИТЫЙ НЕБИТОГО ВЕЗЁТ

Наловила как-то Лиса рыбки, села и ест себе. Глядь — по дороге Волк Евстифейка идёт.

— Здравствуй, кумушка! Что это ты, рыбку кушаешь? Дай мне!

— Налови сам да и ешь.

— Да я не умею.

— Эх, ничего-то ты не умеешь. Ну, на вот рыбку, попробуй!

Проглотил Волк рыбку и стал Лису просить, чтобы она научила его, как ему самому такой рыбы наловить.

— Ну, ладно, — говорит Лиса, — я тебя научу. Ступай ты на реку и спусти хвост в прорубь — рыба сама тебе на хвост нацепляется. Да смотри сиди подольше, а то не наловишь.

— Спасибо, кумушка, за науку!

Повела Лиса его к проруби, а дорóгой и говорит:

— Когда будешь, Евстифеюшка, ловить, приговаривай: ловись, рыбка, большая и маленькая! А то коли одна большая наловится — смотри, пожалуй, и не вытащишь.

Сел Волк, хвост опустил в прорубь, а сам бормочет:

— Ловися, рыбка, всё большая да большая! Ловися, рыбка, всё большая да большая!

А Лисичка кругом похаживает, на небо по-
сматривает да приговаривает:

— На небе ясни-ясни, мёрзни-мёрзни, вол-
чий хвост!

— Что ты, кумушка, говоришь? — спраши-
вает Волк.

— Рыбку тебе, куманёк, скликаю.

Сидел-сидел Волк у проруби, уж и ночь
проходит, светать стало. Попробовал было он
приподняться — не тут-то было. «Эва, сколь-
ко рыбы привалило, и не вытащишь», — ду-
мает.

— Не пора ли, кумушка, тащить?

— Посиди ещё, куманёк: больше наловится.

Занялась заря утренняя, потянулись бабы
из села с вёдрами, с коромыслами. Тут Ли-
сичка хвостиком махнула и была такова,

а Волк как ни рвётся — всё ни с места: крепко примёрз хвост к проруби, держит его, как на привязи. Увидали бабы серого, крик подняли; сбежался народ и давай Волка угощать всем, что кому в руки попало. Волк прыгал-прыгал, оторвал себе полхвоста и убежал.

Пока Волк отдувался своими боками, Лисичка захотела попробовать, не удастся ли ещё что-нибудь стянуть. Забралась она в одну избу, где бабы блины пекли, да и попади невзначай головой в кадушку с тестом; вымазалась вся — и бежит. А Волк избитый ей навстречу.

— Так-то ты, Лиса, меня учишь? От твоей науки я принял такой муки, что без хвоста остался.

— Эх, куманёк, — говорит Лиса, — с кем беда не живёт! Тебе без полхвоста ещё с полгоря. А мне-то каково? Меня ещё больней твоего прибили: у тебя хоть кровь выступила, а у меня-то мозг! Видишь, насили плетусь.

— Батюшки! — говорит Волк. — Как тебя изуродовали! И то правда, кумушка, где уж тебе идти: садись на меня, я тебя довезу.

Села Лисичка Волку на спину, и повёз он её. Вот она сидит да потихоньку приговаривает: «Битый небитого везёт, битый небитого везёт».

— Что ты, кумушка, говоришь?

— Я, куманёк, говорю: битый, мол, битого везёт.

— Правда, кумушка, ох, правда.

ЛИСА И КОЗЁЛ

Бредёт как-то Лиса, жар её донимает, испить хочется. А на ту пору засуха была сильная, мелкие ручейки, канавки все повисохли, на речку идти далеко. Добрела она до монастыря, глядь — в кустах хороший каменный колодец. Пить Лисе смерть хочется; влезла она на колодезную стенку и думает, как бы до воды добраться.

«Эх, была не была, сяду в ведро да спущусь в колодец — неглубок, выберусь!»

Села и бултыхнулась вниз. Воды в колодце было всего ничего, и хоть вправду неглубок он был, а выбраться Лисе всё же нельзя. Стоит она в колодце и нос повесила.

Шёл мимо монастырский Козлище — длинная бородища; бородой потряхивает, рогами помахивает, хвостом вертит, из стороны в сторону без пути болтается. Набрёл на колодец — а там Лиса.

— Патрикеевне почтенье!

— Здравствуй на многие лета, Кузьма Микитич. Куда Бог несёт?

— Да что, в конюшне у нас жара нестерпимая, мухи одолели; иду в лес — не прохладнее ли будет.

— Куда там, Кузьма Микитич: в лесу-то я чуть с жары не померла. Здесь только и спасаюсь, и водица студёная под боком.

— И правда, Патрикеевна, должно быть, хорошо у тебя там.

— Что и говорить, Кузьма Микитич! Да ты бы сам сюда спрыгнул, прохладился.

Козел сдуру возьми да и прыгни к Лисе в колодец.

Как взъелась на него Лиса!

— Ах ты, Кузька-увалень! Не мог и прыгнуть-то как надо: точно куль свалился, меня чуть не задавил! — кричит, не даёт Козлу и опомниться. — Эко идолище несуразное.

Ну, живей, становись на задние ноги, лбом в стенку, болван, упрись, дай мне хоть повернуться-то!

Стал Козёл на задние ноги, а Лиса прыг ему на спину, со спины на рога, с рог на верх колодца.

— Прощай, — говорит, — Кузьма Микитич, посиди в холодке, а мне домой пора!

Сидел-сидел Козёл в колодце: и продрог, и промок, и проголодался — давай кричать. Уж он кричал-кричал, вопил-вопил. Когда-то монастырские конюхи его разыскали, по крику до него дошли да за рога вытащили.

И отделали же они Козла палками: чтобы по лесу не шлялся, в колодцах не валялся.

НЕЗАДАЧА

Напала раз на Серого незадача: как ни бегал, ни рыскал, ничего себе на прокорм достать не мог. Идёт, хвост поджал, живот у него ввалился, рёбра выпятились, голова опущена, — глядь, а Лиса сидит у стога на полянке да что-то кушает. Это она курочку промыслила, закопала её в сено, а теперь пришла тайком пообедать. Подошёл к ней Волк и спрашивает:

— Что ты, кума, кушаешь?

— Эх, Евстифеюшка, худые времена пришли: в деревнях собаки злые, мужики немилостивые, ничем раздобыться нельзя, — хоть

с голоду помирай. Уж который день только сеном и сыта. Поела сенца — вот тем и живу. А ты как?

Рассказал ей Волк свою беду.

— Ах, куманёк, куманёк, — говорит Лиса, — уж как мне тебя жалко: последним с тобой поделюсь. На, родимый, сенца поешь. Да кушай, не жалея, на здоровье!

Пожевал-пожевал Волк сено, — нет, не идёт в глотку, — выплюнул.

А Лиса сидит и думает:

«Возьму-ка я с собой Евстифейку на промысел; в нём силы больше моего, больше добычи будет».

И говорит Волку:

— Пойдём, куманёк, вместе на промысел; я уж выслежу. Только уговор лучше денег: вся добыча пополам.

Пошли они вместе и завидели, что табун у опушки пасётся, а один Конь отбился и в чащу зашёл.

— Стой, кума, — говорит Волк, — Конь наш будет. Только мне сперва надо храбрости набраться.

Остановились они за кустами. Волк давай лапами землю рыть, рвёт и мечет, рвёт и мечет, а потом говорит:

— Лиса, а Лиса! Что, у меня шерсть ошетинулась?

— Ошетинулась.

— А хвост поднялся?

— Поднялся.

— А глаза кровью налились?

— Налились.

— Ну, вот теперь хорошо: пойду Коня резать.

Бросился Волк к Коню.

— Прощайся, — говорит, — с вольным светом: сейчас я тебя зарезу.

А Конь ему:

— Нет, брат, этого нельзя. У меня паспорт есть, чтобы везде без обиды ходить.

— Какой такой паспорт?

— Да вот хоть сам посмотри: на правой задней подкове всё как есть прописано.

Подошёл сдуру Волк паспорт поглядеть, а Конь его как хватит по башке — половина зубов у Волка так и вылетела; шагов на двадцать Волк отлетел, лежит, и память ему отшибло.

Насилу его Лиса кое-как отходила.

— Нет, кум, — говорит, — эта добыча нам с тобою не по зубам.

Пошли дальше: ходили-ходили, бродили-бродили — вдруг видит Лиса, что Баран один на пригорке пасётся.

— Вот это, кум, наша добыча. Ступай-ка, зарежь Барана, а я здесь за кустиком пока

огонёк разведу, чтобы мясо зажарить. Только, чур, мясо, как уговаривались, пополам.

Вышел Волк из кустов, стал под горкой, на которой Баран пасся, и кричит:

— Эй ты, Баран-болван, прощайся с белым светом, сейчас я тебя съем!

— Что ж, — говорит Баран, — наша доля такая баранья: кто б ни съел, а съеденным быть. Только вот что я тебе скажу: чем тебе сюда ко мне лезть, ты лучше стань там, внизу, да пасть пошире разинь. Я прямо отсюда так тебе в глотку целиком и вскочу.

Подумал Волк: «И то правда: на кручу не лезть и Лисе половину мяса не отдавать».

— Ну, прыгай, — говорит.

Разбежался Баран да как стукнет Волка со всего разбега лбом по башке — тот и ногами задрывал. А Баран мотнул головой и был таков.

Лежал-лежал Волк, очухался и стал думать: «Проглотил я Барана или не проглотил? Кабы проглотил, так сыт бы был. Да и голове отчего бы болеть. Нет, видно, обманул он меня, разбойник».

Пришёл к Лисе.

— А где же Баран? — спрашивает Лиса.

— Да кто его знает: такой вор нынче народ пошёл. Как-то я его упустил.

Пошли дальше.

— Ты как хочешь, кума, — говорит Волк, — а я пойду на деревню: там скорее добычу найдёшь; не то этак и с голоду помереть недолго.

— Ну, прощай, кум, счастливой охоты. А я среди белого дня на деревню не пойду.

И побежала Лисичка домой.

Валит Волк напрямик на деревню; глядь — около мельницы Свинья с поросятами пасётся. Погнался было Волк за поросёнком, а Свинья не даёт.

— Ах ты, Свинья этакая, — говорит Волк, — да я и тебя-то разорву, и твоих поросят за один раз проглочу!

— Ну, — говорит Свинья, — не дурак ли ты, Евстифейка? Поросята мои только что из лужи, все грязные, станешь их есть — песок на зубах скрипеть будет. Вот лучше давай я их сперва вымою, а там и ешь себе на здоровье.

Поставила Свинья Волка внизу, под мельничной запрудой против заставки, что воду запирает, и говорит:

— Я моих поросят буду поодиночке в чистой водице полоскать да тебе вниз подавать.

А сама как ухватит зубами заставку да как выдернет её — вода хлынула на Волка, сбила его с ног и понесла, только Волк поворачивается.

Пришла Свинья домой, наелась, напилась и с детками на мягкую постель спать завадилась.

ЛИСА ПАТРИКЕЕВНА

Отыскала Лиса на дороге лапоть, добежала до деревни и просится к мужику:

— Хозяин, пусти меня переночевать.

— Некуда, Лисанька, самим тесно.

— Да много ли нужно мне места? Сама лягу на лавочку, хвостик под лавочку; а лапоток мой к вашим курочкам положите.

Пустили Лису и лапоток к курочкам положили. Лисичка ночью встала потихоньку, забросила свой лапоток, а поутру спрашивает:

— Где мой лапоть?

Стали хозяева искать — нет лаптя.

— Лисанька, он пропал.

— Ну, коли так, давайте мне за него курочку.

Взяла курочку, идёт и поёт:

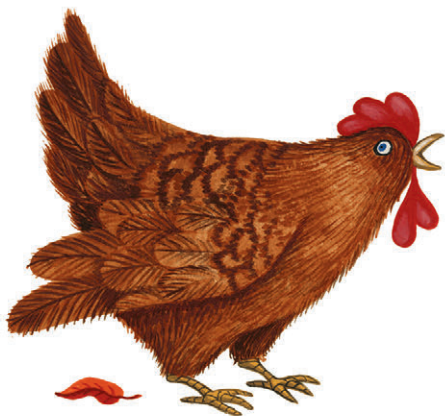
Шла Лисичка по дорожке,
Лапоток нашла,
За лапоток курочку
С мужика взяла!

Стук-стук-стук! — стучится к другому мужику:

— Хозяин, пусти меня ночевать.

— Некуда, Лисанька, самим тесно.

— Да много ли мне места нужно? Сама лягу на лавочку, хвостик под лавочку, а курочку мою к вашим гуськам посадите.

Лисичка ночью встала и съела курочку.
Потру спрашивает:

— А где моя курочка?

Стали хозяева искать — нет курочки.

— Лисанька, она пропала.

— Ну, отдайте мне за неё гусочку.

Взяла гусочку, идёт и поёт:

Шла Лисичка по дорожке,
Лапоток нашла,
За лапоток курочку,
За курочку гусочку
С мужика взяла!

Стук-стук-стук! — стучится она к третьему
мужику:

— Хозяин, пусти меня переночевать.

— Некуда, Лисанька, самим тесно.

— Да много ли нужно мне места? Сама лягу на лавочку, хвостик под лавочку, а гусочку мою к вашим барашкам посадите.

Пустили Лису, а гусочку к барашкам посадили. Лисичка ночью встала и съела гусочку, а мужик не спал и это видел. Поутру спрашивает Лиса:

— А где моя гусочка?

Стали хозяева искать — нет гусочки.

— Лисанька! Она пропала.

— Ну, отдайте мне за неё барашка.

«Хитра же ты, Патрикеевна, да меня не обманешь», — подумал мужик и посадил ей

в мешок двух собак. Взяла Лиса мешок и пошла. Шла-шла, устала нести тяжёлый мешок.

«Ну-ка, — думает, — отдохну, посмотрю на моего барашка». Села около дороги и давай мешок развязывать, а сама поёт:

Шла Лисичка по дорожке...

Только развязала мешок, собаки как выскочат да на Лису. Лиса от них. Они за Лисой.

Катит Лиса полем во весь дух, хвостом собак обманывает, к норе поспешает. Добежала до норы, юркнула в неё и затаилась. Собаки туда-сюда, нюхают, лают, царапаются: нет, уж из норы Лису не достанешь!

А Лиса в норе полёживает да приговаривает:

— Ножки, ножки, что вы делали?

— Мы всё бежали да бежали, чтобы собаки Лисаньку не поймали!

— А вы, глазки, что делали?

— Мы всё глядели да глядели, чтобы собаки Лисаньку не съели.

— А вы, ушки, что делали?

— Мы всё слушали да слушали, чтоб собаки Лисаньку не скушали.

— А ты, хвостище, что делал?

— А я всё по пням, по колодам мотался, под ногами болтался, чтоб ты запуталась, упала да к собакам в зубы попала.

— А, так ты вот какой! — закричала Лиса и высунула хвост из норы. — Ешьте его, собаки!

Собаки ухватились за хвост да полхвоста Лисе и оторвали.

Отсиделась Лиса от собак в норе, а как те ушли, она вылезла и говорит:

— Ну что ж, и хуже бывает: от хвоста и голова пропадает.

Хоть и не пропала Лисичкина голова от хвоста, а всё-таки без хвоста Лисе куда пло-

хо: стыдно куцей в лес показаться. Стала Лиса думать да гадать, как бы ей из такого срама вывернуться. Бродит она по полянке, глядь — под кустиком Синичка гнездо свила и детёнышей вывела.

— Ну, Синичка, я твоих детёнышей съем!

— Не ешь их, Лисанька, я тебе какую хочешь службу сослужу.

— Хорошо, — говорит Лиса, — лети же ты сейчас в тёмные леса и скликай всех лисиц на широкую поляну. Скажи: ездила, мол,

Лиса Патрикеевна в город Париж, — куда как приедешь, угоришь, — и хочет объявить всем лисам новую моду.

Синичка полетела, и собралось на другое утро лисиц видимо-невидимо узнать про новую моду.

Пришла Лиса Патрикеевна: речь ведёт по писаному, поклон кладёт по-учёному.

— Ездил я, — говорит, — сударыни, в славный город Париж, — куда как приедешь, угоришь, — и все там лисы без хвостов нынче ходят. И вправду: какой в нём, в хвосте, толк — ни красы, ни радости. Я, как это увидела, сейчас и себе хвост обкорнала. Вот поглядите, как без хвоста красиво, просто на диво!

Стали лисы на бесхвостую Лису Патрикеевну смотреть: одни хвалят, другим не нравится. А одна старая лиса смотрела, смотрела да и говорит:

— А отчего, Патрикеевна, у тебя на твоём огрызке точно собачьи зубы видны? Не оттого ли и такая мода появилась, что ты не по своей воле без хвоста осталась?

Тут и другие лисы разглядели и подняли Патрикеевну на смех.

Как та ни отгрызалась, а пришлось ей со стыдом из лесу убираться.

Лиса и Заяц

Вольготно жилось Лисе, пока весна красная, лето тёплое. А как пришла зима с метелями да морозами, — не та уж песня. Забралась Лиса в лес, увидала, что Заяц выстроил себе на зиму избушку лубяную, задумала и себе приют выстроить. Только поленилась строить избушку лубяную, выстроила ледяную. «И так сойдёт», — думает. А как подошло дело к весне, стало солнышко пригревать, Лисицына-то избушка и растаяла.

Что Лисе делать? Пришла она к Зайцевой избушке и стучит в дверь хвостом: «Тук-тук!»

— Кто тут?

— Я, Лисичка! Пусти меня, Заинька, у тебя хоть на крылечке под крышей посидеть.

— Ступай, кума.

Взошла на крылечко:

— Пусти меня, Заинька, в сени.

— Нет, кумушка, не пущу, ты меня, Зайца, обидишь.

— И, что ты! Бог с тобой, Заинька. Пусти!

— Так и быть, полезай.

Вошла в сени:

— Пусти меня в избушку!

— Нет, боюсь, не пущу.

— Пусти, Заинька!

— Так и быть, полезай.

Влезла Лиса в Зайцеву избушку, да Зайца самого вон и выгнала.

Идёт Зайчик лесом, плачет да приговаривает:

Под ёлочкой кап-кап!

Под сосенкой кап-кап!

Куда Зайцу деться?

Куда схорониться?

Вдруг навстречу ему собаки:

— Тяф-тяф-тяф! О чём, Зайчик, плачешь?

— Отстаньте, собаки! Как мне не плакать?

Была у меня избушка лубяная, да и из той Лиса меня выгнала.

— Не плачь, Зайчик, — говорят собаки, — мы Лису выгоним.

— Нет, не выгоните!

— Нет, выгоним!

Подошли собаки к избушке:

— Тяф-тяф-тяф! Поди, Лиса, вон!

А она им с печи:

— Как выскочу, как выпрыгну, полетят клочки по закоулочкам!

Собаки испугались и убежали.
Идёт Зайчик дальше да плачет:

Под кустиком кап-кап!
Под деревцем кап-кап!
Куда Зайцу деться?
Куда схорониться?

А ему навстречу Медведь:

— О чём, Зайчик, плачешь?

— Отстань, Медведь! Как мне не плакать?
Была у меня избушка лубяная, да и из той
Лиса меня выгнала.

— Не плачь, Зайчик, — говорит Медведь, — я Лису выгоню.

— Нет, не выгонишь! Собаки гнали — не выгнали, и тебе не выгнать.

— Нет, выгоню.

Подошёл Медведь к избушке:

— Поди, Лиса, вон!

А она ему с печи:

— Как выскочу, как выпрыгну, полетят
кочки по закоулочкам!

Медведь испугался и ушёл.

Идёт Зайчик дальше да плачет:

Под кустиком кап-кап!
Под деревцем кап-кап!
Куда Зайцу деться?
Куда схорониться?

А ему навстречу Петух:

— Кукареку! О чём, Зайчик, плачешь?

— Отстань, Петух! Как мне не плакать?
Была у меня избушка лубяная, да и из той
Лиса меня выгнала.

— Не плачь, Зайчик, — говорит Петух, —
я Лису выгоню.

— Куда тебе: собаки гнали — не выгнали,
Медведь гнал — не выгнал, тебе и подавно
не выгнать.

— Нет, выгоню!

Подошёл Петух к избушке, взлетел на кры-
шу и кричит во всё горло:

Вот иду я на пятах,
Несу саблю на плечах.
Хочу Лису посéчи
По самые плечи.
Вон, Лиса! Вон, кума!

Лиса услышала, испугалась и говорит:
— Одеваюсь!
Петух опять:

— Кукареку!
Вот иду я на пятах,
Несу саблю на плечах.
Хочу Лису посечи
По самые плечи.
Вон, Лиса! Вон, кума!

А лиса в ответ:
— Шубу надеваю!
Петух в третий раз:

Вот иду я на пятах,
Несу саблю на плечах...

Лиса как бросится из избушки со всех четырёх ног, — и след её простыл.

А Петушок с Зайчиком стали жить-поживать да добра наживать.

СТАРАЯ ХЛЕБ-СОЛЬ ЗАБЫВАЕТСЯ

Гнались как-то за Волком охотники с собаками. Уж вот-вот нагоняют; пришлось Волку через дорогу перебегать, а на ту пору шёл по дороге мужик с мешком и цепом. Волк к нему:

— Сделай милость, мужичок, схорони меня в мешок: за мной охотники гонятся.

Мужик пожалел Волка, запрятал его в мешок, завязал и взвалил на плечи.

Вдруг выскакивают охотники:

— Не видал ли, мужичок, Волка?

— Нет, не видал.

Охотники поскакали вперёд и скрылись из виду.

— Что, ушли мои злодеи? — спрашивает Волк.

— Ушли.

— Ну, теперь выпусти меня на волю.

Мужик развязал мешок и выпустил Волка на вольный свет. Волк и говорит:

— А что, мужик, я тебя съем!

— Я тебя из какой беды выручил, а ты меня съесть хочешь! — говорит мужик.

А Волк ему на это:

— Нечего тут толковать: известно, что старая хлеб-соль забывается.

Видит мужик, что дело плохо, и говорит:

— Ну, коли так, пойдём дальше, и если первый, кто нам встретится, скажет по-твоему — что старая хлеб-соль забывается, — тогда делать нечего, ешь меня.

И пошли по дороге.

Повстречалась им старая Лошадь. Мужик рассказал ей, как было дело.

Лошадь подумала-подумала и говорит:

— Жила я у хозяина двенадцать лет, принесла ему двенадцать жеребят, изо всех сил на него работала; а как стара стала и не стало во мне силы работать, взял меня хозяин и стащил в овраг... Да, старая хлеб-соль забывается!

— Видишь, моя правда, — сказал Волк.

Заплакал мужик и стал просить его подождать до другой встречи.

Повстречалась им старая Собака. Мужик и ей рассказал, как было дело. Подумала-подумала Собака и говорит:

— Служила я хозяину двадцать лет, оберегала его дом и скотину; а как состарилась, перестала лаять, — он прогнал меня со двора куда глаза глядят... Да, старая хлеб-соль забывается!

— Видишь, опять моя правда, — сказал Волк.

Мужик упросил Волка подождать до третьей встречи.

Идут они дальше, а навстречу им Лиса. Мужик и ей рассказал, как было дело.

— Вот о чём вздумал, — говорит Лиса, — конечно, старая хлеб-соль забывается. Толь-

ко я одного не пойму: как это Волк, такая большая туша, мог поместиться в мешок?

Мужик стал божиться, а Лиса не верит.

— Да ты покажи, — говорит, — как ты сажал его в мешок-то.

Мужик раскрыл мешок, а Волк всунул туда голову.

— Ишь ты, — закричала Лиса, — да разве ты одну голову прятал в мешок?

Волк влез совсем.

— А ну-ка, мужичок, покажи, как ты его завязывал!

Мужик завязал.

— Ну-ка, мужичок, покажи, как ты цепом снопы обмолачиваешь!

Мужик стал молотить цепом по мешку.

Жутко пришлось Волку: уж он вертелся-вертелся в мешке, наконец не выдержал, запросил у мужика помилования.

— Ну, ладно, — говорит мужик, — по-вашему, старая хлеб-соль забывается, а по-нашему, кто старое помянет, тому глаз вон.

И выпустил Волка. Как бросится серый в чащу, только его и видели.

— Что ж, кум, — говорит Лиса, — выручила я тебя; надо с тебя за это пару беленьких курочек получить.

Привёл мужик Лису к себе домой и отдал ей пару беленьких курочек.

ЛИСА И ТЕТЕРЕВ

Увидала Лиса на дереве Тетерева и думает: «Вот бы Тетерев про запас годился». Подошла и говорит ему:

- Терентий, Терентий, я в городе была.
 - Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Была так была!
 - Терентий, Терентий, я указ добыла.
 - Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Добыла так добыла!
 - Чтобы вам, тетеревам, не сидеть по деревьям, а всё бы гулять по зелёным лугам.
 - Бу-бу-бу, бу-бу-бу! Гулять так гулять!
- Вдруг слышит Лиса конский топот и собачий лай.

— Терентий, кто там едет? — спрашивает.
— Мужики едут.
— А сзади кто-нибудь бежит?
— Жеребята бегут.
— Как у них хвосты-то?
— Крючком.
— Ну, так прощай, Терентий, мне дома недосуг.

КОТОФЕЙ ИВАНОВИЧ

Раз пришла к Лисе Цапля — самой первой свахой она в округе слыла — и говорит:

— Что это ты, кума, одна без замужа живёшь? Вдова ты молодая, из себя красавица — долго ли про тебя плохой славе пойти? А уж я тебе какого женишка припасла: за ним как за каменной стеной! И собой молодец видный, и муж будет добычливый.

— Ох, Цапленька, не знаю, как тебе и сказать: уж очень за первым-то я несчастлива была. За кого ты меня сватаешь-то?

— Да что уж тебя томить: за Котофея Ивановича. Чем тебе не жених?

— Что ты, Цапля, да он первый мой недруг!

— И-и, мраморная моя! Вы, молодые-то люди, нынче поссоритесь, а завтра и слюбитесь. Уж я-то знаю, что он тобой только и дышит: как учует тебя — под собой ног не слышит!

Пришла Цапля к Коту:

— Здравствуй, молодец, на мой товар купец! Пора тебе жениться, домком обзаводиться.

— Куда мне, Цапленька! Только б свою голову прокормить.

— Эх, молодец! Хорошая-то жена — в доме помога, а не мужу обуза. А уж я тебе такую высватаю, что весь свет обойти — такой не найти.

— Кто такая?

— Да уж что тебя, молодца, томить! Небось знаешь Патрикеевну Лисицу — молодую вдовицу. Давно она по тебе сохнет.

— Что ты, Цапля, да Лиса меня живьём бы съела!

— Ну, уж это ваше молодое дело. Коли друг другу по вкусу придётся, так хоть кусайтесь — и то не разойдётесь. А я, Цапля, не сама к тебе дорогу нашла: от Лисаньки с поклоном пришла!

Так-то уговорила сваха их, и пошла Лиса за Кота замуж.

Живут они в мире и согласии. Только раз пошла Лиса добывать припасов, чтобы было чем с молодым мужем жить, а Кот остался дома. Бегала, бегала Лиса, добыла утку и несёт домой. Вдруг навстречу ей Волк:

— Стой, кума, чур, пополам!

— Нет, не отдам.

— Ну, я сам отниму.

— А я мужу пожалуюсь.

— За кого же ты вышла, кумушка?

— Разве ты не слыхал, что к нам из сибирских лесов прислан бурмистром Котофей Иванович? Я теперь бурмистрова жена!

— Что такой за зверь? Как бы на него посмотреть?

— У, Котофей Иванович у меня такой сердитый! Чуть что не по нём, сейчас съест. Коли хочешь его видеть, приготовь барана да принеси ему на поклон. Барана-то положи, а сам поклонись пониже: Котофей Иванович пуще всего почёт любит.

Побежал Волк барана искать, а навстречу Лисе Медведь лезет.

— Стой, Лиса, утку отдай.

— Нет, не отдам.

— Ну, я сам отниму.

— А я мужу пожалуюсь.

— За кого же ты вышла, Лиса?

— Разве ты не слышал, что к нам из сибирских лесов прислан бурмистром Котофей Иванович? Я теперь бурмистрова жена!

— Что такой за зверь? Как бы на него посмотреть?

— У, Котофей Иванович у меня такой сердитый: чуть что не по нём, сейчас съест. Коли хочешь его повидать, приготовь быка да принеси ему на поклон. Быка-то положи, а сам поклонись пониже: Котофей Иванович пуще всего почёт любит.

Побежал Медведь быка искать. Тем временем Волк нашёл барана, ободрал шкуру и стоит в раздумье. Смотрит, и Медведь лезет с быком.

— Здравствуй, брат Михайло Иванович!

— Здравствуй, брат Евстифей! Что, не видал Лисицына мужа? Каков он из себя: ужли больше меня?

А Волк ему:

— Нет, брат Миша, не видал, а слышал, что зверь невиданный; ужли притче меня?

Вдруг откуда ни возьмись бежит Мышь.

— Поди-ка ты сюда, — говорит ей Медведь. — Расскажи нам, каков из себя Лисицын муж.

— Ах, страшный какой да сердитый: сейчас сидит на пне да ломает его когтями, точно ножи точит, а глаза так и выпучил.

— Я не пойду к нему, — говорит Медведь.

— И я не пойду, — говорит Волк. — Слушай, ты, Мышка-норышка: беги да скажи Лисе, что-де Михайло Иванович с братом Евстифеем Иванычем давно готовы, ждут-де тебя с мужем, хотят поклониться бараном да быком.

Пустилась Мышь к Лисе во всю прыть.

А Медведю с Волком не до поклона: бояться они, и стали думать, где бы им спрятаться. Медведь говорит:

— Я полезу на сосну.

— А мне что же делать? Я куда денусь? — спрашивает Волк. — На дерево мне ведь ни за что не взобраться. Михайло Иваныч! Схорони, пожалуйста, меня куда-нибудь, помоги горю.

Медведь положил Волка в кусты и завалил сухими листьями, а сам влез на сосну да поглядывает: не идёт ли Кот с Лисой. Увидал и кричит Волку:

— Идут!

Выглянул Волк, увидел издали Лису с Котом и шепчет Медведю:

— Ну, брат Михайло Иваныч, какой же он маленький!

Пришёл Кот и сейчас бросился на быка: шерсть на нём встала дыбом, стал он рвать мясо зубами и лапами, а сам ворчит: «Мяу! Мяу!» А Медведь с дерева Волку шепчет:

— Невелик, да прожорлив! Нам вчетвером не съесть, а ему одному мало да мало! Этак, пожалуй, всё съест да и до нас доберётся.

Захотелось Волку посмотреть хорошенько на Кота, да сквозь листья плохо видно. Начал он сбрасывать листья с головы. А Кот услышал, что листья шевелятся, подумал, что

это мышь, да как кинется — и прямо Волку в морду вцепился. Волк вскочил, как ошпаренный, как припустится удирать — и был таков. А Кот сам испугался да с перепугу прямо на дерево, где Медведь сидел.

«Ну, — думает Медведь, — увидал меня, теперь беда!» Слезать-то некогда; вот он недолго думая как хлопнется с дерева оземь — все печёнки отбил. Вскочил и бежать.

А Лиса им вдогонку:

— У-лю-лю, вот он вам задаст, погодите!

Кузьма СКОРОБОГАТЫЙ

Жил-проживал бедный Кузинька один в тёмном лесу. Была у него худая избушка, да петушок, да пять курочек. Пошёл Кузинька раз на охоту; только что он из дому, — шась к нему Лисичка; поймала курочку, заколола, изжарила и скушала.

«Где это курочка? Должно быть, не коршун ли утащил», — думает Кузинька.

На другой день пошёл он опять на охоту, а навстречу ему Лиса:

- Куда, Кузинька, идёшь?
- На охоту.
- Ну, прощай.

Побежала к нему, поймала курочку, зажарила и скушала. Как вернулся домой Кузинька да увидел, что второй курочки уж нет: «Э-э, — думает, — уж не Лиса ли моих кур кушает?»

Взял, да как уходил в третий раз на охоту, и заколотил крепко-накрепко у избы окно и дверь.

Идёт он, идёт; откуда ни возьмись Лиса навстречу.

— Куда идёшь, Кузинька?

— На охоту, Лисанька.

— Ну, счастливого пути.

И побежала прямо к Кузиньке. Обежала кругом избы — нельзя войти: кругом заперто.

— Хитри, хитри! Я похитрей тебя буду.

И спустилась в трубу. А Кузинька-то тут как тут.

— Ба, вот кто ко мне незванным гостем ходит! Поди-ка, поди сюда, сударыня, уж я тебя отсюда живой не выпущу.

Стала Лиса просить-молить Кузиньку:

— Не губи меня, я тебя славным князем Кузьмой Скоробогатым сделаю, на царской дочери женю.

Кузинька согласился простить её, а она просит:

— Заколи-ка ещё курочку да зажарь на масличке пожирнее.

Кузинька зажарил. Накушалась Лиса тем жирным обедом, побежала в царские заповедные луга и давай по тем заповедным лугам кататься:

— Покатаюсь-поваляюсь, царского обеда поевши.

Бежит мимо Волк:

— Где, Лиса, несытые твои глаза, так наелась?

— Разве не слышишь: у царя на обеде.

— О? А нас, волков, там не видала?

— Завтра про вас большой обед готовится; собирай-ка с собой сорок сороков серых волков, приходите все сюда, я вас к царю сведу.

Волк побежал сломя голову.

На другой день явилась к царю Лиса и ведёт с собою сорок сороков серых волков.

— Здравствуй, царь Огонь и царица Грозная Маланьца! Кланяется вам славный князь Кузьма Скоробогатый сороком сороков серых волков.

Царь с царицей обрадовались и велели загнать волков в ограду и запереть накрепко. А Лиса кинулась к Кузиньке, велела зажарить четвёртую курочку с масличком пожирнее, накушалась и катается по царским заповедным лугам.

Идет мимо Медведь:

— Ишь ты, хвостомеля! Где это ты так наелась?

— У царя на пиру; волки, несытые утробы, и сейчас там ещё все обедают.

— А про нас, медведей, Лисанька, там не слыхала?

— Про вас завтра большой обед готовят. Собирай-ка сорок сороков чёрных медведей

да приходите завтра сюда; так уж и быть, я вас на обед сведу.

На другой день поклонилась Лиса царю с царицей от Кузмы Скоробогатого сороком сороков чёрных медведей, а сама побежала к Кузиньке:

— Ну-ка, Кузинька, жарь последнюю курочку с петушком на масличке пожирнее; твоё дело на лад идёт!

Съела Лиса курочку с петушком и бежит к царю:

— Здравствуй, царь Огонь и царица Грозная Маланьца! Просит мой хозяин, славный князь Кузьма Скоробогатый, у вас мерочки, чтоб серебряную казну мерить: свои-то мерки все чистым золотом у нас заняты.

Подивились царь с царицей такому богатству и дали Лисе мерку.

Лиса целую неделю мерки назад не несла; отобрала у Кузиньки последнюю одёжу, продала на базаре, деньги на серебряные пятачки и гривеннички разменяла и рассовала их в мерке по щелям да за обручи. Бежит к царю:

— Ох, насилу серебро перемерили!

Царь посмотрел мерку — и правда, во всех щелях серебро позастряло. Стала Лиса сватать за Кузьму Скоробогатого царскую дочь, прекрасную царевну. Царь не отказывает:

— Что ж, такой славный да богатый князь моей дочери пара; пусть приедет, покажется.

Лиса кинулась к Кузиньке:

— Скорей собирайся, пойдём к царю.

А ему что собираться — как есть голый на печи сидит. Пошли они. По дороге подпилила Лиса мост через реку, повалила мост и учит Кузиньку:

— Ты плавай по реке, на мелком месте в песке барахтайся, пока я не вернусь.

А сама кинулась к царю:

— Ох, царь Огонь и царица Грозная Маланьница, какие в вашем царстве мосты неисправные! Только встал Кузьма Скоробогатый на мост, мост подломился, — все кареты и слуги потонули, насили сам князь чуть жив выбрался. Посылай, царь, скорее за ним карету с твоей царской одеждой.

Привезли Кузьму в царский дворец; принял его царь с честью, усадил за стол, начал угощать. Кузьма сидит, всё на свою новую одежду поглядывает — отроду такой богатой и не видывал.

— Чего это он, Лисанька, всё на своё платье глядит? — спрашивает царь Лису.

— Стыдно ему, государь. В такой-то одежде у нас последние рабочие ходят, — отвечает Лиса, а сама толк Кузьму под бок: — Не смотри на одежду!

Упёрся Кузьма глазами в золотой стул, глаз от такого богатства отвести не может.

— Чего это он, Лисанька, всё на стул глядит? — спрашивает царь.

— Чудно, стало быть, ему, государь. Такие-то стулья у нас только по баням ставят, — говорит Лиса, а сама опять толк Кузьму под бок: — Не смотри в одно место, поглядывай в разные стороны!

Царю с царицею Кузьма понравился. У царей ни пива варить, ни вина курить, весёлым пирком да за свадебку, — и обвенчали Кузьму с прекрасной царевной. Прожили молодые у царя неделю, две.

— Ну, — говорит царь, — поедem, любезный зять, к тебе в гости.

Нечего делать Кузьме, надо собираться. Запрягли лошадей в кареты, в коляски, поехали целым поездом. А Лисичка вперёд поезда побежала.

Бежит она, бежит, глядь — пастухи стадо овец пасут.

— Пастухи, пастухи, чьё стадо пасёте?

— Царя Змиулана.

— Что вы, что вы! Говорите: славного князя Кузьмы Скоробогатого. Не то, смотрите, идёт царь Огонь с царицей Грозной Маланьницей против Змиулана; они и стадо пожгут, и вас злой смерти предадут.

Наезжает царь с молодыми и спрашивает:

— Чьё стадо?

— Славного князя Кузьмы Скоробогатого.

— Эко стадо! У тебя, зятюшка, овцам и счёту нет.

А Лиса уж далеко вперёд забежала. Попадает на встречу стадо коров.

— Пастухи, пастухи, чьё стадо пасёте?

— Царя Змиулана.

— Что вы, что вы! Сзади меня едет царь Огонь с царицей Грозной Маланьницей против царя Змиулана. Он и вас побьёт, и ваше стадо пожжёт. Говорите лучше, что оно славного князя Кузьмы Скоробогатого.

И тут подивился царь на зятюшкино богатство, а Лиса дальше встретила конское стадо и так же пастухов научила.

— Ну, дорогой зятюшка, — говорит царь, — богаче тебя, видно, никого и на свете нет.

Прибежала Лиса в царство Змиуланово, прямо в белокаменные палаты.

— Что скажешь, Лисанька?

— Ах, царь Змиулан, плохо твоё дело: идёт на тебя страшный царь Огонь с царицей Грозной Маланьницей. Все стада твои погнали, и тебе от них не спастись, коли не спрячешься хоть на время.

Царь Змиулан закручинился-запечалился:

— Куда же мне деться, Лисанька?

— Беги скорей в сад, там есть дуб дуплистый; в него хоть пока схоронись.

Вот приехал поезд ко дворцу. Лиса на крыльце стоит, дорогих гостей встречает, вводит их в палаты белокаменные. Царь ходит по палатам, диву даётся: такое кругом богатство несказанное. Стали пировать, пить-есть, веселиться. А как кончился пир, говорит Лиса Кузьме Скоробогатому:

— Бери-ка с собой всех царских стрельцов, пойдём в зелёный сад. Полно гулять, надо дело исправлять. Ведь хозяин-то, царь Змиулан, ещё тут в дупле сидит.

Повёл Кузьма стрельцов в зелёный сад и приказал им в дуб стрелять. Стали они стрелять и убили Змиулана до смерти.

Славный князь Кузьма Скоробогатый в Змиулановом царстве царём стал. Лисаньку он при себе оставил и кормил её жареными курочками до самой её смерти.

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕВОЧКА СНЕГУРУШКА.....	2
ЛИСА И ЖУРАВЛЬ	7
ХИТРАЯ ЛИСА.....	10
ЛИСА И РАК.....	13
ЛИСА И ПЕТУХ.....	15
БИТЫЙ НЕБИТОГО ВЕЗЁТ.....	18
ЛИСА И КОЗЁЛ	23
НЕЗАДАЧА.....	26
ЛИСА ПАТРИКЕЕВНА.....	34
ЛИСА И ЗАЯЦ	43
СТАРАЯ ХЛЕБ-СОЛЬ ЗАБЫВАЕТСЯ	50
ЛИСА И ТЕТЕРЕВ.....	56
КОТОФЕЙ ИВАНОВИЧ.....	58
КУЗЬМА СКОРОБОГАТЫЙ	67

Сказки Лисы Патрикеевны / ил. Ю. Устиновой. — Москва : Эксмо, 2018. —
C42 80 с. : ил. — (Книги — мои друзья).

УДК 398.21(=161.1)-053.2

ББК 82.3(2Рос=Рус)-6

ISBN 978-5-04-092618-3

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Литературно-художественное издание
Для младшего школьного возраста
адеби-керкемдік баспа
мектеп жасындағы кіші балаларға арналған

КНИГИ — МОИ ДРУЗЬЯ

СКАЗКИ ЛИСЫ ПАТРИКЕЕВНЫ

(орыс тілінде)

Художник **Юлия Устинова**

Ответственный редактор **О. Куликова**
Художественный редактор **И. Лапин**
Технический редактор **М. Печковская**
Компьютерная верстка **Е. Коптевой**
Компьютерная графика **А. Алексеев, А. Кашлев**
Корректор **Л. Китс**

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Tayar belrici: «Эксмо»

Интернет-магазин : www.book24.kz

Интернет-дүкен : www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибутор и представитель по приему претензий на продукцию,

в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша арыз-талаптарды

қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС,

Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-90/91/92; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ

о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Эксмо»

www.eksmo.ru/certification

Өндірген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылған

Дата изготовления / Подписано в печать 07.05.2018. Формат 60х90^{1/16}.

Гарнитура «TextBook». Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,0.

Тираж

экз. Заказ

ISBN 978-5-04-092618-3

9 785040 926183 >

**Всем хорошим во мне
я обязан книгам.**

М. Горький

Чтение – вот лучшее учение!

А. С. Пушкин

Девочка Снегурушка
Битый небитого везёт
Лиса Патрикеевна
и другие самые лучшие
и любимые сказки

